

15 февраля в редакции журнала «Новый Мир» состоялось первое в этом году собрание писателей

Премии — художникам

1

2

3

4

Выставка художественных произведений, закупленных нашим правительством к десятилетию Октября, пропустив свыше 15.000 гостинелей, в настоящий момент закрылась. Жюри выставки премировало ряд произведений. Высшую премию (1.000 рублей) получила В. И. Мухина за статуя «Крестьянка». По 500 руб. премированы скульпторы Матвеев и Лебедева, по 300 руб. получили Шадр,

Шервуд, Сомова и Смотрова. По графике первая премия дана Куприянову, затем Верейскому, Нивинскому и др. По живописи (400 р.) получил С. Герасимов, затем по 300 р.: Осмеркин, Пименов, Лабас, Ряжский, Петров-Водкин, Архипов и др. Кроме того 1.000 руб. постановлено дать артели палехских кустарей. Ука-

занное премирование художников имеет большое значение, как свидетельство поощрения рабоче-крестьянской властью нашего искусства.

Все премированные произведения в свое время были помещены в нашем журнале. Выше мы приводим портреты некоторых художников: В. Мухиной (1), С. Герасимова (2), И. Нивинского (3), Н. Куприянова (4).

КРАСНАЯ НИВА

~~И 264
И 4~~

2
Библиотека
СССР
В. И. Ленин

9

П

ЦЕНА № „КРАСНОЙ НИВЫ“ ПОВСЮДУ 20 коп.

108

Зима. С картины К. Юзв.

Рис. К. Кузнецова

Рассказ Вл. Лидина

Братья снали во дворе на повети, где дремали внизу и сторожко тревожились лошади. Впереди, в треугольник крыши, как в раму, вставлен был пейзаж: несколько лохматых ракушек, одиноко забредших в поля, в желтеющие дремни овсов. По ночам жемчужная нить звезд, пронзая зенит, тянулась через весь треугольник, дрожа предосенним зеленым и синеватым огнем разодранного ночного коконника. Братья были серьезны, как все молодые люди, впервые ветунившие в жизнь, они привезли с собой книги, студенческое городское раздумье, и лето было для них словно лишь переходной порой к дальнейшим трудам и зиме. В соломе крыши, обвисшей пустым колючим хоботом, пищали воробьи; с рассветом петухи, спавшие тут же, становились на сваю, белую от куриного помета, глядели на свинцовые в рассвете поля и неистово зывали в туман, в осенние просторные сны.

В доме, рассыхающемся, посизевшем от времени и стариковской печали, ночевали взрослые и дети. Жили в нем последнее лето, с осени был он продан подрядчику, перевозившему его, как основу для новой стройки, в город. Подрядчик, приехав впервые, долго ходил по комнатам, выстукивал стены, смотрел на потолки и мерил рулеткой. Из коричневого брюшка выпускавшей нескончаемый свой сантиметр. Иван Аристархович ходил за ним следом, старательно помогая вытягивать сантиметр и тревожно глядел в ржавые глаза, привыкшие зажимать в свой прищур расчеты и цифры. Дети притихли и сидели за столом, склонив головы над блюдечками с чаем: было что-то необъяснимо угрожающее их детским сердцам в размашистой длинноногой фигуре подрядчика, в кожаной куртке, равнодушной к судьбе их и страху. Подрядчик намерялся, наконец, снять картуз с залоптевшего лба и сказал:

— В сентябре и свезем. С домом этим тоже заплачешься... тухла и тухла.

— Дом еще крепкий, — Иван Аристархович сказал с ненужной поспешностью.

— Это не крепость, а гниль, граждалин, — ответил подрядчик вразумительно. — Сорок годов дереву — полный срок... В прежнее время я на такое добро и посмотреть бы не стал, а теперь, конечно, — на пустом поле и зайц с избу.

Подрядчика понли затем еще чаем, он омерзительно и старательно высасывал углышки сахара, сам наколов для себя их пожом. Рыжий жеребец, на котором привез его косоый мужик Мокей Ефросимов, беспокоился перед домом. Подрядчик надел, наконец, ненавистные большие галоши и сел на телегу так, словно показывал всем свою силу, что вот сызнава вернулся он, Петр Касимов, к жизни, покупает дома, перевозит их в город и строит. Когда через десять минут Иван Аристархович вернулся назад, девятилетний Гриша поднял стриженую голову и спросил:

— Папочка, продан?

— Продан... кажется, продан, — сказал отец на ходу и ушел в свою комнату, в бывший свой кабинет, где жили

теперь вместе с ним, в несчастные дни, старшие сыновья, серьезно и уже отчужденно приехавшие в отчий свой дом на летнюю пору. В кабинете стояли теперь топчаны с слежавшейся соломой своих сенников, — запущенный и неопрятный был вид у этого строгого некогда его кабинета.

— Продан, продан, — сказал Иван Аристархович снова в пустоту окна, — что тут доказывать... всему свое время. И отчому дому есть срок, правильно подрядчик сказал...

Гриша посмотрел на него, на знакомую бороденку отца, которую дергал тот все двумя пальцами, подными от табаку, и тоже подошел к окну. Сад был зеленый, смутно застланный холстами вечернего света, от которого всегда и необъяснимо становилось просторно и грустно и особенно в этом просторе хотелось думать о странах и о цветных замечательных людях, пахнущие медом и осенью и занушено разросшиеся за все эти годы небрежения к себе, толпились вдоль от террасы, заглушая дорожки сада.

— Чепуха все это, конечно, — говорил между тем Иван Аристархович, словно вовсе оципывая свою худую бородку, — отчий дом и все прочее... давно все эти отчие дома ветром смело — и правильно. Что мы, зубры, что ли? везде люди живы. Я агроном, слава богу... агронома пынче нужны, страна крестьянская.

— Папа, будем жить в городе... что же тут такого, — сказал Гриша через минуту и коснулся щекой его рукава. — Ты, пожалуйста, не волнуйся.

Иван Аристархович поглядел еще в сад, затем провел рукой против ежика стриженной головы сына, — Гриша касался щекой его индзака, и от привычного, ни с чем не сравнимого запаха табаку ему захотелось плакать.

В среду Иван Аристархович уехал составлять запродажную. Увозил его тот же Мокей Ефросимов, — на телеге его, на сбившейся лежалой соломе уселся Иван Аристархович, свесив ноги в ошмыганных порыжевших штанах. И эти отцовские ноги, жалко болтавшиеся с боку телеги, запомнил Гриша отчетливей и почему-то большее всего. Он долго еще стоял на крыльце и смотрел на пустую дорогу. Сухой липоватый волчек рос по обем ее сторонам. Комнаты в доме были уже темны от сумерек, и сквозь открытые двери балкона видел был тот же вечерний запущенный сад. Вечера к осени становились уже круто замешанными холодноватой снью, широко залеплявшие окна. Заложив за спицу руки, Гриша походил тихонько по комнатам, по оставшим, выстукивающим под его ногами половицам. Изредка присаживался он на топчан в кабинете отца, глядел на мать, на мглившийся смутный портрет в черной раме. Потолки в комнатах тяжело и насупленно, словно раздутые невероятной стариковской изжогой, свисали, обои давно ободрались, — дом этот вынес множество лет, постоял проходивших частей и прожорливые дни разрушения. Из сада сквозь двери балкона нахло флоксами, травянистым вкрадчивым запахом осенних бесполезных цветов.